

Вернувшись в офис, Шэнь Вэньлан ощутил, как весь верхний этаж наполнился гнетущим, неприятным чувством пустоты.

Рабочее место Гао Ту пустовало. Не было той фигуры, что вечно склонялась над бумагами или терпеливо ждала распоряжений, а в воздухе не хватало едва уловимого, спокойного аромата, присущего только Гао Ту — запаха, к которому Шэнь Вэньлан давно привык, хотя никогда в этом не признавался.

Он попытался заняться документами, но продуктивность оказалась до смешного низкой. В голове эхом отдавались обрывки фраз, услышанных в больнице: Любил десять лет, уехать из этого города.

Каждое слово вонзалось тонкой иглой в самые незащищенные участки его нервной системы.

Гао Ту собирается уйти? Из-за болезни сестры или из-за этой безответной любви? Если он уйдет, кто сможет перед совещанием безошибочно подать нужные документы?

Кто сможет в моменты его раздражения молча заменить чашку кофе на ту, что будет идеальной температуры? Кто сможет понимать его намерения по одному лишь взгляду и устраивать всё безупречно и в срок?

Зависимость и привычки, формировавшиеся десять лет, стали в этот миг пугающе очевидными.

Шэнь Вэньлан с раздражением ослабил галстук. Он обнаружил, что попросту не может представить свою повседневную работу без Гао Ту рядом.

Дело было не только в профессиональных навыках помощника, это походило на некое... крушение привычного порядка вещей.

Еще больше его выводил из себя этот неотступный кошмар.

Придет ли он снова этой ночью? Сердцебиение, вызванное сном о смерти Гао Ту, было настолько реальным, что породило абсурдную тревогу: а что, если Гао Ту, исчезнув из поля его зрения, действительно окажется в опасности?

Эта мысль была лишена всякой логики, но упрямо пустила корни в его душе.

Впервые в жизни он проявил к человеку такой сильный интерес, выходящий далеко за рамки простого желания контролировать, а этот человек, к тому же, хранил в сердце тайну о ком-то, кого любил десять лет.

Осознание этого вызывало у Шэнь Вэньлана небывалое беспокойство и... легкое чувство

оскорбления.

Словно вещь, которая долгое время принадлежала ему и существовала как нечто само собой разумеющееся, вдруг объявила, что её мысли заняты кем-то другим, и она в любой момент может исчезнуть.

Вечером, поддавшись необъяснимому порыву, он снова набрал прямой номер Гао Ту.

Телефон долго звонил, прежде чем трубку сняли. Голос Гао Ту звучал с нотками усталой хрипотцы, но оставался почтительным:

— Господин Шэнь.

— Как твоя сестра? — Шэнь Вэньлан постарался, чтобы голос звучал как дежурный, лишенный эмоций вопрос начальника.

На том конце провода на мгновение повисла тишина, словно Гао Ту не ожидал, что Шэнь Вэньлан спросит об этом напрямую.

— ...Благодарю за беспокойство, господин Шэнь, состояние временно стабилизировалось, — ответил Гао Ту осторожно и кратко.

— Завтрашние переговоры с Шэнфан Биолоджи не должны сорваться, — Шэнь Вэньлан сменил тему, и его тон вновь стал холодным и жестким. — Мне нужно, чтобы ты был в лучшей форме.

— Слушаюсь, господин Шэнь. Все материалы подготовлены, я буду на рабочем месте вовремя.

В голосе Гао Ту сквозила подчеркнутая деловая отстраненность.

Повесив трубку, Шэнь Вэньлан не почувствовал облегчения — напротив, раздражение лишь усилилось.

Тон Гао Ту был слишком спокойным, настолько, будто того разговора в больнице никогда не было. Эта нарочитая нормальность казалась лишь прикрытием.

Этой ночью Шэнь Вэньлан спал крайне беспокойно. Сон, как и ожидалось, настиг его снова: всё та же кровавая дождливая ночь, отчаянный взгляд Гао Ту, слабый плач младенца... Он проснулся на рассвете в холодном поту, с бешено колотящимся сердцем. За окном еще стояла серая предрассветная мгла.

У него было предчувствие: некая перемена, которую он не в силах контролировать, уже

подбирается совсем близко. И Гао Ту находился в самом эпицентре этого назревающего шторма.

<http://bllate.org/book/19762/1946121>